

Петров Иван Васильевич

ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ВЛАДЫКИ СЕРАФИМА (ЧИЧАГОВА) И "САРОВСКИХ ТОРЖЕСТВ" В ВОСПОМИНАНИЯХ Б. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА

В статье раскрываются особенности личности известного православного архипастыря прошлого столетия - священномученика Серафима (Чичагова). В исследовании личность владыки рассматривается через воспоминания его непосредственных современников, прежде всего коменданта Петрограда в феврале 1917 г. Б. А. Энгельгардта. Главные темы, поднимаемые в работе, - личные качества архиерея и его роль в так называемых "саровских торжествах".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 148-150. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье раскрываются особенности личности известного православного архипастыря прошлого столетия – священномученика Серафима (Чичагова). В исследовании личность владыки рассматривается через воспоминания его непосредственных современников, прежде всего коменданта Петрограда в феврале 1917 г. Б. А. Энгельгардта. Главные темы, поднимаемые в работе, – личные качества архиерея и его роль в так называемых «саровских торжествах».

Ключевые слова и фразы: Серафим (Чичагов); Б. А. Энгельгардт; Российская православная церковь; Серафим Саровский; Николай II.

Петров Иван Васильевич, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный университет
i.petrov@spbu.ru

**ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ВЛАДЫКИ СЕРАФИМА (ЧИЧАГОВА)
И «САРОВСКИХ ТОРЖЕСТВ» В ВОСПОМИНАНИЯХ Б. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА**

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ а1 17-31-00004 «Потонувший мир»
Б. А. Энгельгардта как зеркало российской истории рубежа XIX-XX веков».*

Митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов) являет собой поразительный пример незаурядного церковного деятеля, который за свою более чем 80-летнюю жизнь достиг существенного успеха как на военном поприще, так и в медицине, вместе с тем став видным в российском масштабе архиереем. Между тем прославленный в сонме Бутовских новомучеников митрополит очень часто был критикуем современниками, причем как во времена императорской России, так и послереволюционное время, в особенности за свою верность митрополиту Сергию (Страгородскому) и его примирительной линии по отношению к атеистическому государству. Не менее резкие характеристики по отношению к владыке Серафиму (Чичагову) выходят и из-под пера современных исследователей. Так, например, один из ведущих современных специалистов по истории вероисповедальной политики Временного правительства, доктор исторических наук А. В. Соколов в красках описывает, как епархиальный съезд в Твери в революционный 1917 г. не только принял решение об удалении архиепископа Серафима с кафедры, но пошел дальше: владыке надлежало вообще покинуть пределы своей епархии, несмотря на то, что архиерей недавно приветствовал свержение монархии [3, с. 325-327].

Для понимания столь сложной и незаурядной фигуры в череде представителей русского православного архипастырства конца XIX – начала XX в. необходимо обратиться к воспоминаниям его непосредственных современников, очень часто критически оценивающих те или иные действия архиерея. И самым важным периодом, во многом раскрывающим его жизненный путь, являются события так называемых «саровских торжеств», предопределивших отношения влиятельных современников к Чичагову.

Вопрос о канонизации старца Серафима, если верить данным, приведенным в работе известного петербургского церковного историка Сергея Фирсова, впервые был поднят в год коронации его отца, Александра III, начальником московских женских гимназий Виктором [4, с. 104-105]. Однако тогда, в том числе из-за жесткой позиции всесильного обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, данный вопрос был решен отрицательно, причем в подобном разрешении проблемы канонизации были едины как сам обер-прокурор, так и члены Синода. Совсем другая эпоха в церковной истории была ознаменована с началом царствования Николая II и усиления давления императорской руки, а также императрицы Александры Федоровны на жизнь Православной церкви, в том числе в вопросе канонизации святых. За весь период царствования последнего российского царя к лику святых было причислено шесть подвижников веры – небывалое для синодального периода истории Российской православной церкви число. Самым массовым и в то же самое время спорным на тот момент событием стала канонизация саровского старца.

Существует несколько основных концепций того, кто же на самом деле являлся главным инициатором и проводником идеи канонизации старца. Так, Сергей Юльевич Витте отмечал, что основную роль в произошедшем играла Александра Федоровна, а также кружок Великого князя Петра Николаевича, где эта идея и зародилась.

Однако гораздо более обоснованной представляется точка зрения Сергея Львовича Фирсова, который опирается на дневник одного из важнейших очевидцев событий тех лет – генерала А. А. Киреева, определенного им как «неославянофил» и один из главных критиков будущего митрополита Серафима (Чичагова) [Там же, с. 106-107]. Именно в дневнике Киреева фигурирует характеристика Чичагова как «пролазника и плута», который сумел, благодаря собственным умениям и возможностям, втереться в доверие к императору, а затем смог влиять на многие его решения, касающиеся Православной церкви.

11 января 1903 г. начала работать специальная комиссия под председательством будущего священномученика, а тогда митрополита Московского Владимира (Богоявленского), состоящая из 8 человек и призванная освидетельствовать мощи праведника. Важно отметить, что сразу же в нее вошел и архимандрит Серафим (Чичагов). И, несмотря на осторожную позицию большинства российских архиереев, под нажимом властей процесс канонизации начался незамедлительно.

Какую роль в нем сыграл будущий священномученик Серафим (Чичагов)? Чаще всего авторы склонны высказывать собственные мнения о его месте в «саровских торжествах». Особенно много материала об этом можно встретить у того же Киреева – будущего видного думского деятеля и впоследствии главы Западноевропейского

экзархата русских приходов, митрополита Евлогия (Георгиевского) или же последнего протопресвитера армии и флота в Российской империи Георгия Щавельского. Однако нельзя забывать и об оценке, данной человеком, давно знавшим Чичагова, – Борисом Александровичем Энгельгардтом.

Энгельгардт – представитель известного дворянского рода, камер-паж императрицы Марии Федоровны во время коронации ее сына, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, депутат IV Государственной Думы. В 1917 г., будучи комендантом Петрограда в февральские дни, он стал свидетелем крушения многовековой империи и создания на ее обломках нового, во многом чуждого ему большевистского государства.

Сумев эмигрировать в Константинополь, он проделал вполне известный для русской эмиграции маршрут – Константинополь – Париж (где работал таксистом), – пока не оказался в Латвии. Именно там его застала советизация 1940 г., принесящая Энгельгардту арест и преследования со стороны новых властей. Однако оказавшись именно в среде советской повседневности, Борис Александрович и начинает работу над своими воспоминаниями [1, с. 134-135]. И именно в них можно обнаружить четкую и емкую характеристику владыки Серафима (Чичагова). Для того чтобы не быть голословными, мы обратились к подлинным записям Энгельгардта, находящимся в Российской национальной библиотеке, в его личном фонде. В итоге целое дело этого фонда состоит из собственноручных записей Бориса Александровича, связанных с личностью будущего священномученика.

Прежде всего, он вспоминает, что Чичагов был адъютантом генерала от артиллерии, начальника Главного артиллерийского управления Александра Алексеевича Баранцова. Согласно воспоминаниям Энгельгардта, Чичагов был немного моложе его отца, Александра Петровича Энгельгардта, в будущем генерала и артиллерийского конструктора, но, являясь его сослуживцем по артиллерийскому управлению, был с ним в приятельских отношениях. Продолжает свою характеристику Борис Александрович и оценкой личных качеств Чичагова в пору службы того на офицерском поприще: «Чичагов не был ни особенным кутилой или развратником, но жил полной жизнью молодого светского человека того времени, ни отказываясь ни от каких радостей жизни» [2, д. 46, л. 1]. Энгельгардт отмечает, что Леонид Михайлович неожиданно для всех подал потом в отставку и «постригся в монахи» (здесь в воспоминаниях Б. А. Энгельгардта есть некоторая неточность, так как изначально Чичагов был рукоположен в диакона в 1893 г., чуть позже стал священником и только лишь в 1898 г. он решает принять монашеский постриг с именем Серафим).

Важно отметить отличное от канонического восприятие Александром Петровичем Энгельгардтом причин ухода от военной службы Леонида Михайловича. Так, если верить воспоминаниям его сына, будущий митрополит Серафим решил принять монашество отнюдь не из лучших побуждений или же посещавших его видений, советов старцев и старцев, а из-за растраты своего состояния (Энгельгардты оценивали его как «небольшое»). Кроме того, Борис Александрович, скорее всего, под влиянием мнения Александра Петровича, отмечал, что Чичагов – человек весьма неглупый и энергичный, что помогло ему достаточно быстро стать настоятелем монастыря (в 1899 г. он стал настоятелем знаменитого Спасо-Евфимиева монастыря под Суздалем, а потом и знаменитого Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря) и архиереем (в 1905 г. Серафима хиротонисали в Москве во епископа Сухумского) [Там же, л. 1-2].

Получили свою оценку в воспоминаниях Энгельгардта и уже упоминавшиеся выше «дивеевские торжества». Известно, что владыка Серафим был активнейшим участником прославления Серафима Саровского, написал его житие и подготовил издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». По мнению Энгельгардтов, он принял монашеское имя Серафима именно в честь Серафима Саровского (мнение это, конечно, было ошибочным). Согласно описанию Бориса Александровича, именно Чичагов добился открытия мощей и сумел заинтересовать «этим царицу» [Там же, л. 2].

Более того, Энгельгардт высказывает мнение, что архимандрит Серафим сумел уверить Александру Федоровну, что поклонение мощам преподобного Серафима Саровского может привести к тому, что у нее, наконец, родится столь долгожданный наследник престола. Борис Александрович списывает на везение тот факт, что после горячей молитвы у гроба Серафима Саровского родился царевич Алексей и, судя по тексту, слабо верит в возможность какого-то мистического значения поездки императрицы ко гробу вскоре канонизированного святого.

После описания слухов о владыке Серафиме (Чичагове), а также мнения своего отца о нем, Борис Энгельгардт переходит непосредственно к своим личным впечатлениям от общения с этим незаурядным церковным иерархом. Он отмечает, что их знакомство произошло за обедом у двоюродного брата его отца, графа Баранцова, сына бывшего начальника Леонида Чичагова. Тогда, по мнению Энгельгардта, владыка Серафим был уже «во всей своей славе».

На этом же обеде присутствовал и сам Александр Петрович Энгельгардт, в результате чего гости вели достаточно оживленную беседу, вспоминая былое. Однако помимо старых воспоминаний разговор на этом вечере зашел и о настоящем, в частности о решении Леонида Михайловича Чичагова принять постриг и о том чувстве, которое он испытал, став духовным лицом.

Владыка Серафим в беседе с Александром Петровичем Энгельгардтом отмечал, что ему особое удовлетворение приносит «исполнение обрядов и молитва». Все это в достаточной мере удивило его сослуживца, который привык видеть Чичагова ранее в бравом офицерском обличье. Подобные речи стали вызывать у старшего Энгельгардта лишь усмешку. Впоследствии Александр Петрович стал заглядывать под стол, что вызвало немалое удивление со стороны архипастыря. Более того, Энгельгардт решил заглянуть, причем весьма демонстративно, под стол, делая вид, что кого-то ищет. В ответ Чичагов немало удивился и спросил у бывшего сослуживца, кого тот ищет под столом. Особо Борис Александрович отмечает, что вопрос этот был задан не по-русски, а по-французски, что автоматически выдавало принадлежность владыки Серафима к известному дворянскому роду. В ответ отец семейства Энгельгардтов достаточно дерзко ответил: «Я ищу болвана, перед которым Вы позируете» [Там же, л. 3].

Удивительно, но в ответ тогда уже видный церковный деятель отметил, что Александр Петрович с годами остался неисправимым шутником, и лишь рассмеялся вместо того, что обидеться на достаточно колкую и дерзкую шутку в свой адрес.

Подводя итог, хочется отметить четыре основные черты, которые можно почерпнуть в том, что воспроизвел Борис Энгельгардт в своей памяти. Во-первых, в этих воспоминаниях подведена черта между тем Чичаговым, каким он был до того момента, как стал известным церковным иерархом, и тем, каким он стал уже после принятия духовного сана. Во-вторых, владыка Серафим показан в воспоминаниях Бориса Александровича как достаточно расчетливый церковный деятель: он специально постригается в монахи под именем Серафим, также специально он участвует в кампании по канонизации Серафима Саровского и обращает внимание императрицы Александры Федоровны на силу молитвы у могилы преподобного Серафима. В-третьих, Энгельгардт описывает Чичагова в первую очередь как светского человека: с одной стороны, епископ Серафим говорит о благочестии и о пользе молитвы, с другой же, – внутренне остается человеком светским, говорящим на французском языке, у него же то и дело проявляются черты скорее дворянина, чем архипастыря. Наконец, по факту, опровергается и самая распространенная по сей день, по сути, агиографическая, концепция принятия Чичаговым духовного сана: Энгельгардт отказывает Чичагову в искренности его духовных порывов, объясняя его переход в духовное сословие только лишь ухудшившимся материальным положением.

Какова была истина в сущности владыки Серафима (Чичагова)? Конечно, судить об этом довольно сложно, однако же нельзя не отметить, что авторы большинства воспоминаний, в которых он упоминается, демонстрируют изнанку его личности, выраженную в светскости, заискивании перед властями и снобизме. Вполне возможно, что, столкнувшись с суровой советской действительностью, будущий митрополит Серафим (Чичагов) изменился, но в первые годы своего архиерейства, вплоть до конца 1917 г., он запомнился в глазах современников, в том числе Б. А. Энгельгардта, исключительно в черных тонах.

Список источников

1. Мунжукова С. И. Б. А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е – 1960-е годы // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 134-145.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1052 (Б. А. Энгельгардт).
3. Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 года. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.
4. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ; Держава, 2007. 464 с.

**PERCEPTION OF PERSONALITY OF METROPOLITAN SERAPHIM (CHICHAGOV)
AND “SAROV SOLEMNITIES” IN B. A. ENGELHARDT’S MEMORIES**

Petrov Ivan Vasil'evich, Ph. D. in History
Saint Petersburg University
i.petrov@spbu.ru

The article describes personal features of the famous Orthodox archpriest of the last century martyr Seraphim (Chichagov). Archpriest's personality is examined through the eyes of his immediate contemporaries, first of all, B. A. Engelhardt, commandant of Petrograd in February 1917. The paper focuses on archbishop's personal qualities and his role in the so called “Sarov Solemnities”.

Key words and phrases: Seraphim (Chichagov); B. A. Engelhardt; Russian Orthodox Church; Saint Serafim of Sarov; Nicholas II.

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

В статье впервые в отечественной историографии анализируется правовое положение низших муниципальных (земских и городских) служащих пореформенной России. На материалах Уфимской губернии прослежена передача части кадровых полномочий, реализуемых по отношению к служительскому персоналу, на уровень руководителей земских и городских учреждений. Сделан вывод о том, что двойственный правовой статус низших служащих позволял органам местного самоуправления принимать более оперативные кадровые решения.

Ключевые слова и фразы: органы местного самоуправления; земские служащие; городские служащие; низшие служащие; «третий элемент»; Уфимская губерния.

Полянина Ольга Анатольевна, к.и.н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
olga-polyanina@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НИЗШИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Изучение земских и городских служащих пореформенной России (так называемого «третьего элемента») уже достаточно давно оформилось в самостоятельное направление научного поиска. Наиболее пристальное